

Жизнь Пушкина

ПУШКИН
И ИМПЕРАТРИЦА
ТАЙНАЯ
ЛЮБОВЬ

КИРА ВИКТОРОВА

Жизнь Пушкина

Кира Викторовна

**Пушкин и императрица.
Тайная любовь**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

Викторова К. П.

Пушкин и императрица. Тайная любовь / К. П. Викторова —
«Алисторус», 2014 — (Жизнь Пушкина)

ISBN 978-5-4438-0669-3

Автор этой книги, написанной как захватывающий детектив, задался целью раскрыть имя женщины, которая господствует во всем поэтическом творчестве великого поэта, начиная с лицейских лет, до его гибели. Пушкиновед Кира Викторова впервые заявила о том, что у Пушкина была единственная муза и тайная любовь – императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Знаменитый же «донжуанский список» Александра Сергеевича, по ее версии, – всего лишь ерническое издевательство над пошлостью обывателей. Любил ли Пушкин одну Елизавету Алексеевну, писал ли с нее Татьяну Ларину, была ли императрица для него дороже всех на свете или к концу жизни он все-таки предпочитал Наталию Гончарову... – решать читателю.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-4438-0669-3

© Викторова К. П., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кира Павловна Викторова

Пушкин и императрица

Тайная любовь

Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений.

Пушкин – Декарт

© Викторова К. П., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Глава I

Хранитель тайных чувств

*Ни долгие года разлуки,
Ни даль, ни хладные науки
Не изменили в нем души.
Он пел дубравы, где встречал
Свой вечный, милый Идеал.
«Евгений Онегин»¹*

В трудах пушкинистов-биографов с давнего времени существуют два известных понятия, требующих, на мой взгляд, переосмысления. Речь идет о так называемых «Северной» и «Южной» утаенных Любях Пушкина (под последней подразумевается М. Раевская-Волконская).

Этому произвольному разделению «одной святыни», «одного божественного» чувства противоречат строки ясного нравственного закона, изложенного в прозе «Пиковой дамы»: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Исходя из этого простого правила не будет большой смелостью сказать, что выдвигать гипотезы о двух утаенных любовях Пушкина так же безнравственно, как искать вторую Беатриче у Данте или новую Лауру у Петрарки. Муза у великих поэтов одна:

*...Одна была... Я с ней одной
Делиться мог бы вдохновеньем.
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои...—*

утверждает Пушкин в «Разговоре с книгопродавцем» – П. Плетневым – о так называемой утаенной «Северной» любви («Разговор «служил предисловием к «Евгению Онегину»!). Итак, стихи Пушкина были ясными только для одной женщины.

Нельзя пройти и мимо известного высказывания Пушкина о любопытстве толпы в письме к Вяземскому в конце ноября 1825 года (то есть после сожжения Пушкиным своих автобиографических записок): «Зачем жалеешь ты о потере Записок Байрона? Черт с ними! – Он исповедался в своих стихах. Толпа жадно читает исповеди, записки et cetera, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего: «Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе! Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением», – советует Пушкин.

Совет Вяземскому сегодня звучит как обращение к Читателю (и биографам) – «быть заодно с гением» Пушкина.

Итак, «не унижая» нравственной природы поэтического гения Пушкина, попытаемся – с помощью исповеданности стихов и фактологических данных, минуя слухи современников, – восстановить имя Той, несомненно выдающейся личности эпохи, портреты и жизненные реалии которой рассеяны по всему творческому наследию «поэта действительности».

Перечтем вновь стихотворение 1818 г. «Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Величества Государыни Елизаветы Алексеевны», так как данное произведение имеет глубокую

---

¹ Все цитаты из сочинений А.С. Пушкина приводятся из пушкинских автографов.

автобиографическую связь с записью лицейской программы Записок: «Государыня в Ц[арском] Селе». (До сих пор не комментированной биографами.)

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И трону в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою моею.

Комментарий стихотворения во всех изданиях сведен, по существу, к мадригалу супруге Александра I Елизавете Алексеевне – «Добродетели на троне» – тогда как и белой, и черной автографы разглашают более объемный смысл признания юного Пушкина. Глагол в прошедшем времени: «Елизавету втайне пел», обстоятельство образа действия: «втайне» и последующие варианты стихов – более поэтически-интимны и биографичны, чем их представляют исследователи.

Но признаюсь, под Геликоном, – Бродя с задумчивой душой,
Где Иппокрены ток шумел, – Один задумчиво сидел,
Я, вдохновенный Аполлоном, – Я часто тихим лиры звоном
Царицу нашу втайне пел!

То есть речь идет о «Геликоне» Царского Села, где «во имя Аполлона» был окрещен Поэтом юный лицеист, где «лились его живые слезы» в первых лицейских элегиях, и где он «встречал Свой вечный милый Идеал».

Эмоциональный поток дальнейших строк, воспевающих портретные черты Елизаветы Алексеевны:

Я пел в восторге, упоеньи...
Любовь. Надежду. Русскою... (нрзб. [душой? – К. В.])
Неувядаемой красой. Прелесть... (нрзб.)
Со взором благодати небес
С улыбкой мира и любви...

Голосом. Гордая. Смелая. Верная...

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа! —

наводит на мысль, что вдохновительницей лицейских элегий была не «гостя брата» лицеиста – Екатерина Бакунина, а жительница Царского Села – Елизавета Алексеевна. Думается, что отсюда, с этого «гимна сердца» 1818 г. идет нить к известным сетованиям поэта на свою, увы, уже «нескромную лиру» в «Разговоре с книгопродавцем» и в «Бахчисарайском фонтане»:

[...] Ах, лира, лира, что же ты
Мое безумство огласила...
(«Разговор книгопродавца с поэтом», 1824 г.)

[...] Забудь мучительный предмет
Любви отверженной и вечной,
И слабость отроческих лет.

Долго ль, узник томный,
Тебе неволи цепь лобзать,
И свету лирою нескромной
Свое безумство разглашать?
(«Бахчисарайский фонтан», 1821–1823 гг.)

То есть речь идет о той единственной, о Той, которая, по словам Пушкина, «...была мне в мире богом. Предметом тайных слез и горестей залогом». («Я видел смерть», 1816 г.)

Обращает на себя внимание и рисунок Пушкина в автографе стихотворения 1818 г.: в левом верхнем углу изображена «поднятая» секира (ЛБ 64 л., 42). Этот знак «мятежной секиры», зовущий новую «жертву», будет встречаться на многих произведениях, связующих имя Елизаветы Алексеевны с мыслями о французской революции и декабристским движением.

«Непонятая современниками, почти забытая при жизни», – так характеризует сложную, трагическую фигуру Елизаветы Алексеевны автор монографии². Личность жены Александра I мало выяснена. Современники не могли открыто писать о Елизавете Алексеевне: ее имя связывалось с заговором 1821 г. филиала Петербургской ложи «Астрея» – то есть той Кишиневской ложи «Овидий» № 25, «за которую уничтожены в России все ложи» – комментирует Пушкин в письме от 26 янв. 1826 г. Жуковскому³.

С первого дня своего приезда в Россию (31 окт. 1792 г.) и до последних дней (4 мая 1826 г.) Елизавета Алексеевна писала дневник, который она завещала Карамзину. По приказу Николая I он был сожжен вдовой Павла I Марией Федоровной. Единственными достоверными свидетелями событий ее биографии остаются письма Елизаветы Алексеевны к матери. Должно сразу сказать, что по отзывам современников Елизавета Алексеевна, будучи скромной по своей природе, никогда не была «императрицей» в известном значении этого слова: все представительство реальной власти находилось в руках властолюбивой вдовы Павла I – Марии Федоровны⁴. Потеряв двух дочерей в младенческом возрасте, с 1808 г. Елизавета Алексеевна удаляется от жизни двора, посвятив свою жизнь тщательно скрываемой благотворительности и обретению самых разнообразных познаний.

Живя в царскосельском уединенном «затворничестве», Елизавета Алексеевна, по словам П. Вяземского, «заживо сделалась поэтическим и таинственным преданием».

Пересказываю главные факты жизни и деятельности Елизаветы Алексеевны. В 1792 г. тринадцатилетняя Баденская принцесса Луиза-Мария-Августа («Психея», как ее нарекли современники)⁵ впервые переступила порог дома Романовых, стены которого «[...] пропитаны

² Вел. кн. Николай Михайлович. Т.1, с. 1. Ср. поэтику «Письма Татьяны»: «Я здесь одна. Никто меня не понимает...»

³ «В Петербурге открыт заговор высшей аристократии. На престол хотели возвести царствующую императрицу (Е. А.). Первое заявление о нем сделал Сперанский», – пишет Фернгаген (Карл-Август Фарнгаген фон Энзе (1785–1858) – немецкий писатель и переводчик сочинений русских авторов – ред.) в 1921 г. В 1822 г. последовал первый арест В.Ф. Раевского и затем заключение его в Тираспольскую крепость (Пыпин, «Общественное движение в России при Александре I», с. 165).

⁴ Доказательством ее скромности служит ответ Ел. Ал. на вопрос, «составила ли она завещание», «Я ничего не привезла с собой в Россию – и потому ничем распоряжаться не могу». (Воспоминания Н.М. Лонгинова.)

⁵ См. стих. Державина «Амур и Психея» 1793 г., изд. Грота, стр. 141. Ода написана на обручение Александра и Елизаветы в 1793 г. (то есть в год Великой Французской революции). «Чарующий стан, совершенная грация движений... Те, кому слу-

преступлением», пишет А. Герцен, – «кровь отравлена в жилах до рождения, пути ко всему злему раскрыты... Добро невозможно. Горе тому, кто остановится, тому, кто в этих стенах допустит человеческое чувство в своем сердце...».

Извечные человеческие ценности – ум, красота, доброта души – не затронули сердца Александра I. По словам современников, Александр I мог дать только «любовь брата» – у него побочная семья, две дочери от М. А. Нарышкиной. Елизавета Алексеевна привязывается к своему новому отечеству настолько, что не только народ, но даже русский язык стал ее любимым.

Елизавета Алексеевна с замечательной проницательностью предугадала гибель наполеоновской армии в снегах России, В самый день Бородинского сражения она писала матери: «[...] каждый шаг его в этой необъятной России все более и более приближает его к бездне. Увидим, как он перенесет зиму...».

«[...] О, этот доблестный народ наглядно показывает, чем он является в действительности, и что он именно таков, каким издавна его считали люди, понимавшие его, вопреки мнению тех, которые упорно продолжали считать его народом варварским. А между тем как раз варвары Севера и ханжи Юга Европы и причиняют более всего хлопот нации цивилизованной, по преимуществу, и силы ее далеко еще не истощены...».

Своеобразие «чуткого выговора» Елизаветы Алексеевны: «В этой России» – встретится в заметке: «Только революционная голова, подобная [...] может любить Россию так, как писатель может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом Русском языке», – воспроизводит Пушкин элементы «чужого выговора» Елизаветы Алексеевны в 1824 г. И именно строгий «греческий» профиль Елизаветы Алексеевны Пушкин рисует под приведенным текстом после своего шаржированного автопортрета в ребенка «вольтерьянца» и перед профилем «революционной головы» В. Кюхельбекера⁶ Тот же классический профиль мы видим на полях «Евгения Онегина» рядом с профилем секретаря Е. А. – Н. М. Лонгинова, атрибутированным Т. Цявловской как портрет Ф. Толстого – «Американца».

В 1812 г. Елизавета Алексеевна, искренняя патриотка своей новой отчизны, организовала первое женское патриотическое общество. «Дай Бог», – говорит пушкинская Полина, – «чтобы все русские любили свое отечество так, как я его люблю...» («Рославлев»).

«Я руская и с рускими погибну», – читаем надпись с ошибками на кружке, заказанной Елизаветой Алексеевной в 1812 году. Кружка хранится в Русском музее в С.-Петербурге. Инв. СТ № 425 (Ср.: «Неправильный, небрежный лепет. Ошибки, выговор чужой...» «Евгений Онегин»)

«Она проявляла глубокий интерес к русской литературе и русским поэтам», – комментируют современные пушкинисты, – «связи ее с писателями простирались до того, что последние считали возможным знакомить ее со своими запрещенными стихами»⁷.

чалось присутствовать на ее свадебных торжествах, до сих пор вспоминают эту картину... имя Психеи было у всех на устах». (Великий князь Николай Михайлович, «Императрица Елизавета Алексеевна», т. III, стр. 754.) См. известный портрет Елизаветы Алексеевны в виде Психеи художника Д. Евреинова. Как известно, Пушкин просит «ради Христа» сделать «виньету» к первому сборнику стихотворений «именно в виде Психеи, которая задумалась над цветком...». (Письмо от 15 марта 1825 г. Л. Пушкину и Плетневу.) В письме от 26 сентября 1825 г. Плетнев писал Пушкину: «Виньеты не будет, С художниками невозможно иметь дела: не понимают они нас. Да и что придаст твоим стихам какая-нибудь глупая фигура над пустоцветом? Придет время: тогда не так издадут». Увы... Пушкина издают так же, как и 160 лет назад: «Психеи, склонившейся над цветком», современный читатель, видно, не дожидается, как и комментариес к этой примечательной просьбе поэта.

⁶ На допросе следственной комиссии Кюхельбекер ответил, что главной причиной, заставившей принять участие в тайном обществе, была его «скорбь об порче нравов, как следствия угнетения... Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил русский народ – единственный на свете – по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердию – я скорбел, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принеся никакого плода в мире..... Да создастся для славы России поэзия истинно русская, да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном виде первую державою мира», – говорил Кюхельбекер.

⁷ Не говорит ли эта фраза героини «Рославлева» и знак секиры у текста: «Я стал(а) думать ее мыслями...» о том, что и пушкинская Полина была иностранка по происхождению, но «русская душой»? Исследователи «Рославлева» прошли мимо

И это не удивительно. Елизавета Алексеевна была не только прогрессивной личностью эпохи, но и ее первой женской, «революционной головой»:

«Я проповедовала революцию как безумная, я хотела одного – видеть несчастную Россию счастливой, какой бы то ни было ценой» – писала она матери после переворота 11 марта 1801 года.

В последние годы жизни Александр I, «на закате дней», сблизился с Елизаветой Алексеевной, «[...] подавая руку позднего примирения женщине, вся жизнь которой, прикрытая императорской багрянницей, была одним оскорблением...» – заканчивает Герцен. Обстоятельства смерти Александра I «на глазах жены» – Елизаветы Алексеевны – в Таганроге (ноябрь 1825 г.), и неожиданная кончина «порфириносной вдовы» 4 мая 1826 г. в Белёве, «непроницаемой тьмой» сокрытая от современников, породили множество слухов и догадок. «Ее мало знали при жизни», – свидетельствует Вяземский, – «как современная молва, так и предания о ней равно молчаливы» (Поли. собр. соч. П. Вяземского, т. УП, с. 141. Петербург, 1882 г.) ср.: «Предания о ней молчат...» – «Полтава».

Вернемся к царскосельским элегиям Пушкина. Исследователи отнесли цикл элегий 1815–1816 гг. к Е. Бакуниной, обосновав свою гипотезу записью в лицейском дневнике и показаниями современников. Но, как известно, Бакунина «гостила летом у брата» в 1816 г., а запись Дневника: «Как она мила была! Как черное платье пристало к милой», – относится к зиме 1815 г.: «С неописанным волнением смотрел я на снежную дорогу... Ее не видно было...»⁸

Обращает на себя внимание и «неописанное» волнение, то есть еще не описанное в стихах? Или речь идет об отсутствии данного сюжета во всем наследии? Описка – исключена, так как «при открытии несчастного заговора» Пушкин тщательно отбирал все, что могло остаться из автобиографических Записок и в «Лицейском Дневнике», о чем свидетельствуют оторванные листы 1815 г.

Не заинтересовало исследователей и то обстоятельство, что в рукописи Дневника фамилия Бакуниной зачеркнута поэтом жирной чертой! Не обратив внимания на столь открытое вычеркивание Пушкиным «милой Бакуниной» из лицейских воспоминаний, биографы не выяснили и главного: какая историческая личность приезжала в трауре 28 ноября 1815 г. в Царское Село. Даю эту справку, то есть открываю имя этой женщины: 28 ноября 1815 года в Царское Село на один день приехала из Вены, где она присутствовала на конгрессе, Елизавета Алексеевна, в трауре по мужу сестры принцу Брауншвейгскому. См. Камер-фурьерский журнал и оду Державина, написанную 30 ноября 1815 г. «На возвращение императрицы Елизаветы Алексеевны из чужих краев» (Державин. Изд. Грота, т. XII, с. 229.).

Разлукой с Елизаветой Алексеевной, думается, вызваны многие стихотворения периода пребывания Елизаветы Алексеевны в Европе, среди которых стихотворение «Измены» 1814–1815 гг. заслуживает особого внимания. Оно интересно для нашей темы не только конкретными деталями историко-биографического характера, но, являя пример Пушкинского закона стихосложения («страстей единый произвол»), – раскрывает тем самым подлинное содержание загадочных стихотворений зрелых лет.

Все миновалось!..

того обстоятельства, что «Неизданные записки дамы 1811 года» имеют в черновике дату «22 июня» – то есть число нашествия Наполеона в Россию. «Описки» текста автографа: «Я знал ее скромной и молчаливой», «я еще не понимал ее, но уже любил» и строки Плана: «...Москва в 1811 г. Наполеон шел на Москву... Мы отправились 15 августа.....», – совпадают со временем отъезда Пушкиных из Москвы, приездом в Петербург Василия Львовича с племянником и встречей юного Пушкина с И. Пушиным (см. «Воспоминания современников о Пушкине». Москва, 1974. т. I, с. 72–73). Таким образом, «Неизданные записки дамы» могут представлять попытку Пушкина издания своих «Записок» о «Полине» – Е.А., как «защиты ее тени», – читаем в предисловии к «Рославлеву».

⁸ Не потому ли Модзалевский, «не сводя концы с концами», написал на рукописи (!) дневниковой записи 29 января 1815 г.: «Это почерк Пушкина 1816 года».

Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил:
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Все позабудь;,
В новой сей доле
Счастливо будь.

Но «сладость» воли, счастье освобождения от оков «гордой Елены» – недолговечны:

...Ах! Для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой...

и, смиряясь перед воображаемой картиной «триумфа» «Розы-Елены», – юный певец решает отныне «петь» только для друзей:

...В мирном жилище
На пепелище,
Стану в смирение
Черпать забвенье
И – для друзей
Двигать струною
Арфы моей.

Отметим, что определение «мирного» жилища Лицея звучит как противопоставление теперешнему местопребыванию «Розы-Елены».

Точная дата написания стихотворения неизвестна – автограф «Измен» утрачен, но, учитывая, что стихи напечатаны в «Российском музее» № 12, 1815 года, – Пушкин отсылает читателя к тем бурным событиям в Европе, когда усилиями трех держав (так называемого «Священного союза») было сломлено последнее сопротивление Наполеона и «Европы твердый мир основан».

Продуманная поэтика этого «легкого» стихотворения о факеле «Елены», незатронутые исследователями строки: «В сердце возженный образ Елены мнил истребить, прошлой весною юную Хлою вздумал любить», – любопытны тем, что под «юной Хлоей», очевидно, следует считать увлечение «жрицей Талы» – крепостной актрисой Натальей (1813 г.). Но самым существенным является то обстоятельство, что до всех перечисленных в стихотворении «измен»

Пушкин не «стыдился» «цепей» любви к «гордой Елене». Стихотворение заканчивается признанием тщетности «измен» и предречением влачить оковы любви к «Розе-Елене» до могилы:

Так! до могилы Грустен, унылый, Крова ищи!..
Всеми забытый, Терном увитый, Цепи влачи...

(Ср.: «Долго ль, узник томный, тебе неволи *цепь* лобзать...», «Бахчисарайский фонтан», 1823 г.). В 1827 г. Пушкин вновь «оденет» свой «терновый венец» в Посвящении «Акафиста» Деве Лицея:

Так посвящаю с умилением
Тебе терновый мой венец...

Итак, перед нами первое упоминание «тернового венца» и «цепей» любви к «Розе-Елене» – тех двух метафорических сочетаний, которые, обретя устойчивость символа, войдут впоследствии в цикл элегий, посвященных «Деве-Розе» в «Разговоре с книгопродавцом...» об утаенной любви, и в финал «Бахчисарайского фонтана».

Что касается «толпы» народа, мчащейся за прелестью «Розы-Елены» в 1815 г., то она, вливаясь в «кипящие, бурные волны» «Сынов Авзонии», восторженно приветствующих «северную красоту» «Людмилы», раскроет подлинное имя вдохновительницы стихотворения 1828 года: «Кто знает край, где небо блещет неизъяснимой синевой...».

Рассмотрим рукопись стихотворения.

...Кто же посетил твой древний рай...

Европы древний рай —

обобщает местопребывание «Людмилы» вариант стиха.

Кругом кого кипит народ,
Кого приветствуют восторги?
Кто идеальной красотой...

Людмила северной красотой —

уточняет поэт характерные особенности красоты «Людмилы» —

Сынов Авзонии пленяет.
Кто поневоле увлекает
Толпы их бурны за собой? —
Глицера, Эльвина, Рогнеда...

идет поиск условных имен, среди которых «Эльвина» 1815 г. («Эльвина, милый друг. Ужель на долгую разлуку я с милой обречен») – является синонимом отсутствующей «Гордой Елены» {Ср. встречу с «Эльвиной» 1825 г.: «На небесах печальная луна»), и вновь Пушкин останавливается на образе златокудрой «Людмилы» лицейской поэмы:

Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени...

И здесь на полях, слева у приведенных стихов, Пушкин рисует стоящего Наполеона, «с нахмуренным челом, с руками, сжатыми крестом». («Евгений Онегин», II гл.)

Этот графический комментарий автора, относя события стихотворения 1828 г. ко времени наполеоновских войн, опровергает тем самым все домыслы о вдохновительнице стихотворения – графине М. Мусиной-Пушкиной, «жившей долго в Италии» и возвратившейся в Россию в 1828 г.

Безусловно, доверяясь слухам современников, биографы поясняют сложную структуру финальных стихов:

Пиши Марию нам другую
С другим младенцем на руках! —

следующим образом: «У Марии Мусиной-Пушкиной в это время был маленький сын». Но, «заказывая» Рафаэлю портрет своей «Марии», Пушкин видит «младенца-бога» не вообще и не в «колыбели», а именно на руках Марии! То есть речь идет о шедевре Рафаэля – Марии с младенцем на руках – «Сикстинской мадонне», находящейся в Дрезденской галерее с 1754 г. Из этого следует, что «Людмила» видела «чудеса святых искусств» не только в Италии, но посетила и Германию⁹.

Посетив Дрезденскую галерею, Елизавета Алексеевна заказала для себя копию с поразившей ее «Сикстинской мадонны» и, украсив ею стену своего кабинета в Зимнем дворце, являлась «зрителем одной картины», как свидетельствует гравюра из собрания П. Я. Дашкова. Не отсюда ли льется первоисточник «Мадонны»: «Не множеством картин старинных мастеров...»?

Описание желаемой картины:

...Чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —
Она с величием, он с разумом в очах... —

полностью совпадают с композицией «Сикстинской мадонны» Рафаэля. По свидетельству П.П. Вяземского (Собр. соч. СПб. 1983, с. 520–521), Пушкин говорил, что стихи «Мадонна» «сочинены им для другой женщины» {то есть не для Наташи Гончаровой}, и что ими отмечено «одно обстоятельство в своей жизни».

«Суд» современников о вдохновительнице стихотворения ошибочен не только потому, что гр. Мусина-Пушкина не обладала характерными чертами «северной» красоты пушкинской «Людмилы» – золотом кудрей и голубыми «небесными» глазами, но и по той простой причине, что Мусина-Пушкина не могла возбуждать тех восторгов толпы народа и приветственных криков, о которых свидетельствуют стихи Пушкина.

Возвратимся к грациозности образа «Людмилы – Рогнеды – Эльвины».

С какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всех движениях полна!

---

⁹ Не исключено, учитывая многомыслие поэтики, что образ «Другой Марии с другим младенцем на руках» имеет отношение и к «Богородице земного круга» стихотворения 1826 г.

Приведенные реалии портретных черт героини стихотворения 1828 г. являются поэтическими «двойниками» образа женщины, о которой поэт разговаривает с книгопродавцом в 1824 г. и которую вспоминает в финальных стихах поэмы «Бахчисарайский фонтан» и в VII главе. «Евгения Онегина».

...Но полно, полно, перестань,
Ты заплатил безумству дань.
.....
Долго ль, узник томный,
Тебе неволи цепь лобзать,
И свету лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Этот параллелизм мыслей и образов, базирующийся на словесных повторах, приводит к догадке, что вдохновительницей всех вышеприведенных стихотворений, включая «Измены» 1815 г., была одна и та же женщина, уехавшая из России в 1813 г. и возвратившаяся в Россию 28 ноября 1815 г. – то есть Елизавета Алексеевна.

За подтверждением гипотезы обратимся к фактологии истории. В «Летописи» за 1865 г. № 37, в статье «Пятьдесят лет назад» {с. 269–272} помещены «Краткие записки» участника Отечественной войны 1812 г. и похода 1814–1815 гг. – адмирала А.С. Шишкова, идеолога «Бесед любителей русского слова», с которым Пушкин был лично знаком и не раз упоминал его в своих стихах.

Вспоминая о восторге, с каким Елизавета Алексеевна была встречена в Европе, Шишков пишет: «Из русских императриц Елизавета была тогда первая в чужих краях, везде ее встречали с торжеством, бегали за нею толпами и кричали: «Ура! русская императрица Алексеевна!» (См. относящуюся к 1814 г. гравюру «Мир Европы», где Елизавета Алексеевна ведет за собой Александра I с оливковой ветвью в руке.)

К сказанному Шишковым следует прибавить, что, будучи в Германии, Елизавета Алексеевна посетила Гете и имела с ним беседу¹⁰.

Думается, что первый эпиграф к стихотворению 1828 г. «Кто знает край...» – песенка Миньоны из «Вильгельма Мейстера» «Kennst du das Land» – связан с этим посещением. Отголоски призыва златокудрой Миньоны читаются в вариантах стихотворения 1828 г. «Волшебный край, любимый край Эльвины» и в стихотворении «Разлука», рукописную редакцию начала которого: «Для берегов чужбины дальней ты покидала край родной...» – Пушкин думал поместить в сборнике стихотворений под 1828 г.

Из края мрачного изгнания
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, свои лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим»...

Стихотворение приписывается разлуке с Амалией Ризнич, чему противоречит «край мрачного изгнания» – определение, которое никак нельзя отнести к городу, где «все Европой

---

¹⁰ Как известно, Бетховен посвятил Елизавете Алексеевне свой единственный полонез – «К Элизе», его оригинал находится в РГБ в Москве.

дышит, веет, Все блещет югом и пестреет Разнообразием живой», – Одессе, откуда Ризнич уехала в Италию после отбытия Пушкина в Михайловское в августе 1824 г.

Краем мрачного изгнания с полным основанием можно считать Михайловскую ссылку 1824–1826 гг.

Второй эпиграф: «По-клюкву, по-клюкву, по-ягоду по-клюкву», который исследователи относят к «капризам» М. Мусиной-Пушкиной, «раз спросившей себе клюквы в большом собрании», – имеет «странное сближение» с тем «малым островом», который «пестреет зимнею брусничкой» – то есть ягодой, созревающей под снегом, – клюквой, стихотворения Болдинской осени «Когда порой воспоминанье...».

Об их глубокой внутренней связи свидетельствуют и переработанные стихи 1828 г. «Кто знает край...», вписанные в стихотворение 1830 года:

[...] где небо блещет Неизъяснимой синевою [...]
Где пел Торквато величавый [...]
Где Рафаэль живописал.
(3, 2, 851)

Итак, светлые, мажорные мысли о «волшебном, любимом крае Эльвины» обернулись для Поэта, по какой-то причине, «отдаленным страданием», «воспоминанием, грызущим сердце в тишине», заставляющим стремиться уже к «студеным, северным волнам».

О том, почему произошло это качественное изменение, речь пойдет ниже, а сейчас продолжим разбор так называемого Бакунинского цикла элегий.

Следующим аргументом против отнесения к Бакуниной царскосельских элегий является, как это ни парадоксально, общеизвестность этого увлечения, а Пушкин свидетельствует о муках утаенных:

Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал... —

переводит поэт в стихи VIII главы. «Онегина» прозу лицейского Дневника от 29 ноября 1815 г. Расхождение есть и в чертах портрета «Милой». Судя по акварели П. Соколова (см. «Московскую изобразительную Пушкиниану»), у Бакуниной были карие глаза, а у «Милой» – небесные, то есть голубые:

Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица...
(«Городок», 1815 г.)

«В этом очаровательном лице без красок скрывается великий гений», – пишет Ф. Головкин о Елизавете Алексеевне, – «когда-нибудь случай может его внезапно развить... Тогда увидят женщину высшего порядка». В стихотворении «Дубравы, где в тиши свободы...» 1818 г., записанном на одном листе с «Ответом на вызов», говорится о том же утаенном «Гении», подарившем Пушкину «первый звук» безвестной лиры:

Не ты ль, чудесный Гений мой.
Меня страданью покорила...
И мысль о ней одушевила
Моей цевницы первый звук
И тайне сердца научила.
(2, 1, 540, 542)

То есть речь идет все о Той, «которой очи, Как небо, улыбались мне». («Разговор книгопродавца с поэтом» 1824 г.) Ср. биографию поэта Ленского:

Вот юность... Ольга подарила
Ему Любви первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его свирели первый стон.
(6, 286)

(В опубликованном тексте: «Его цевницы первый стон».) Исследователи не обратили должного внимания и на один эпитет, которым Пушкин завершает элегию «Осеннее утро» (1816):

Уж нет ее... До сладостной весны
Простился я с блаженством и душою, —

позволяющий сделать вывод, что «Ее» приезд весной в Царское Село был ежегодным явлением, и поэтому весна была для поэта «сладостной». В известных «Стансах» (1812): «Видали ль вы нежную Розу», первом лицейском стихотворении Пушкина, Роза – Евдокия также своим прибытием в Царское Село олицетворяла для лицейских «Трубадуров» приход весны.

Такою, еще более прекрасною,
Явилась нашему взору сегодня Евдокия.
Еще одна весна увидела ее цветенье...
(1, 89; подлинник по-французски)

Следует прокомментировать и имя «Евдокия», которым юный поэт, «не уstraшаясь оswятил» старофранцузскую аллeгорию Розы. О добродетели княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, слагались легенды еще при жизни. В IV томе «Истории Государства Российского» Карамзин приводит любопытные слова: «Сия княгиня настолько любила добродетель, насколько ненавидела ее личину. Славная красотой, умом и смиренномудрием, Евдокия была ревностной почитательницей художеств¹¹».

---

¹¹ Послушаем речь современников на похоронах Елизаветы Алексеевны: «Те, кто имел счастье находиться вблизи Елизаветы, могли оценить широту ее ума. Из всех источников разума она черпала то богатство идей, ту зрелость размышлений, которые делали ее беседу особо замечательной». Но я вникал в ее беседы мало. Меня смущала строгая краса ее чела... — вспоминает Пушкин в 1830 г. образ Жены, смотревшей за «школой» («В начале жизни школу помню я»). «С ее появлением в России ничто не могло сравниться с ее сокрушительной красотой... Все искусства имели права на ее покровительство. За ее счет молодые художники посылались в Италию... равно и поэзия весьма привлекала ее ум...» (Вел. кн. Николай Михайлович. «Императрица Елизавета Алексеевна», т. III. Послесловие.).

Идеализация личности княгини Евдокии закончилась после смерти канонизацией ее в «святые Жены» Руси. Александр Казадаев в оде, написанной на день рождения Елизаветы Алексеевны – 13 января 1820 г., прямо сравнивает ее с женой Дмитрия Донского¹².

Не отмечалось в литературе и то обстоятельство, что аллегории лицейского стихотворения Пушкина «Роза» (1815?) целиком заимствованы из державинского стихотворения «К портрету императрицы Елизаветы Алексеевны» (1806):

Как лилия весной и роза среди лета
В уединении благоуханье льет,
Так скромностью своей сердца к себе влечет
Умом и красотой владычица полсвета.
(Державин)

Сравним образ «Розы-Елены» 1815 г. – «Измен» и увяданье «Татьяны»: «Как Роза без росы живой, Татьяна побледнела младость...».

Дальнейшее развитие темы «Розы», которое можно назвать своеобразным «Романом о Розе», завершено в «Болдинскую осень» стихотворением «Не розу Пафосскую я ныне пою...» – открытием имени лицейской «Розы»: «Но розу блаженную, уже опаленную... Элизы моей» (3, 2, 862)¹³.

Надо сказать, что имя «Элиза» и ее «увяданье» появилось в Российских журналах задолго до открытия имени «Розы» Пушкиным. В 1821 году в «Благонамеренном» № 21, ч. XII, А. Норов в переводе стихотворения Паоло Лорри «Больной Элизе» использовал метафорические сочетания Державина и Пушкина таким образом: «Покрылись бледностью Элизы красоты Лишь лилии цветут где расцветали розы». Думается, что отсюда, со стихов А. Норова, ведет свое происхождение лирическое отступление в третьей главе «Онегина»: «Я знаю, дам хотят заставить Читать по-русски. Право страх! Могу ли их себе представить с «Благонамеренным» в руках! Я шлюсь на вас, мои поэты...». «Мои поэты» – это, прежде всех, В. Л. Пушкин («Голубка и бабочка», 1803 г.: «Элиза, милая! Пример перед тобой, Люби и будешь век довольна ты судьбой»), Н. Неведомский («Соловей», 1821 г.: «Элиза, милая! Один твой взор небесный Все красит для меня В сей жизни горькой, слезной»), Н. Олин («Стансы к Элизе», перев. В. Скотта: «Улыбку уст твоих небесную ловить»), и стихи Н. М. Карамзина:

Элиза! Приими дар искренней любви
Твой ум, Твоя душа питаются прекрасным
Ты Ангел горестных, мать сирым и несчастным
Живешь для счастья других... Итак живи!
[...] Не каждый ль день и час Ты дружеству милее,
Достойнее святой Божественной любви... —

¹² «Всемиловейшая Государыня! Похвальное слово Государю добродетельному я осмеливаюсь посвятить Высочайшему имени Государыни, сияющей на троне изящнейшими добротами. Похвалю Герою, оградившему в древние времена Россию от нашествия свирепого Мамая, дерзая поднести Всеавгустейшей супруге Героя, спасшего во дни наши Отечество и Европу от грозного Наполеона. Верноподданный Александр Казадаев Генваря 13 дня 1820 г. (Печатать позволено вторично Спб. Сентября 21 дня 1826 г. (!) Цензор Александр Красовский)».

¹³ От внимания исследователей «Розы» систематически ускользало Пушкинское обращение к «Друзьям»: «Не повтори: Вот жизни Радость. Не говори: Так вянет Младость». То есть поэт призывал не толковать его «Розу» в абстрактных философских понятиях, как символ «непрочности всего земного» и т. п. истертых клише. А. Н. Веселовский отмечал: «От емкости поэтического образа цветка зависело также и разнообразие вызываемых им ассоциаций: нередко образ цветка почти исчезает за подсказанным ему человеческим содержанием. Дело не в розах, а в качестве воспоминаний». (А. Н. Веселовский. «Из поэтики Розы». Избр. статьи. Л., 1939.) Как известно, Пушкин придавал стихотворению 1815 года особое значение, включив его в издание стихотворений 1826 г. Поправка стиха 1815 г.: «Прости! жалею!» – «Люблю, лелею» в 1826 г. знаменательна обретением нового содержания: Пушкин уже не жалеет об увядании «Розы», но лелеет ее образ в своей памяти.

«Императрице Елизавете Алексеевне в день Ея рождения 13 генваря 1820 года при вручении Ей подарка».

Как видим, начиная с Державинских метафор портрета Елизаветы Алексеевны, включая оду Державина 1804 года: «Тихий нрав и, как приятный Луч, Елизаветин взор» – мадригалы «Братьев-рифмачей» единогласно воспевали «небесные черты» «милрой Элизы».

Что же касается сравнения «Елизаветина взора» с «лучом», то в стихах 1826 года «Ответ X + У», то есть Василию и Федору Туманским, прославлявшим «восточные» черты М. Раевской-Волконской: «Она черкешенка собою Горит агат в ее глазах И кудри черною волною...» – Пушкин отвечает следующим портретом своей Музы:

Нет, не черкешенка Она.
В долины Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
(другой вариант: Не затемнят!)
Ее полуденного ОКА! —

выделено с прописной буквы Пушкиным и поставлен знак восклицательный, купированный во всех печатных изданиях советской пушкинистикой.

Последние четыре стиха не только отрицают «агат» глаз Музы Пушкина, но прямо иллюстрируют мастерство Д. Евреинова, сумевшего передать в известном «Оке» Елизаветы Алексеевны на табакерке – даре Елизаветы Алексеевны своему секретарю Н. М. Лонгинову, знакомому Пушкина, – лучистое небо полдня. «Полуденное» еще и потому, что Елизавете Алексеевне в 1808 году, дате миниатюры, было 29 лет, то есть столько, сколько Пушкину в известных стихах «Онегина»: «Ужель мне скоро тридцать лет? Так, полдень мой настал...».

Я остановилась так подробно на аллегориях и эпитетах вышеназванных элегий и потому, что мотив «сладостной весны» исчезает из поэтического словаря Пушкина (ср. «Весной я болен...»). Более того, в элегии 1827 г. автографа Майкова, вошедшей в начало VII главы «Онегина», «пора цветов, пора любви...» – вызывает у поэта «тяжкое», «Тяжелое умиление»: «Как тяжело мне твое явленье, весна, весна, пора любви...».

Отчего произошло это качественное изменение?

Как известно, VII глава «Онегина» начата весной 1827 г. и закончена 4 ноября 1828 г. в Малинниках, крупной прописью Пушкина «ТОШНО ТАК», то есть в то время, когда писались песни «Полтавы» и «Посвящение». Рассмотрим первые строфы VII песни «Онегина» (ЛБ, 71, л. 2, 2 об.), первая строфа начинается с описания бурного воскресения природы:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега...
И завершается первой песней соловья:

...и соловей Уж пел в безмолвии ночей.

Вторая строфа резко противопоставлена поэтике первой:

Как грустно мне твое явленье,

Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!..

Пушкин не продолжает далее. Его перо на свободной нижней части листа рисует странный «памятник»: на постаменте, абрис которого напоминает удлинённую секиру, – урна в форме «непреклонной лиры». На лире встрепелась, глядя направо, голубка. Подобное изображение голубки мы видим на щите кроваво-красного полупетуха-полумедведя герба дома Романовых, несомненно знакомого Пушкину.

Возвратимся к весне 1827 г., к дубравам Михайловского:

С каким тяжёлым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блесит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую певца...
(6, 413–414)

Приведённые стихи написаны поверх рисунка крайне возбуждённого коня с пустующим седлом, под копытами которого – ускользающая лента змеи. (ЛБ, 74, л. 2.).

Эту же, «отредактированную» Пушкиным аллегорическую памятку Петру I Фальконе – коня без всадника (то есть седло пусто, на престоле нет самодержца), отсылающую к 14 декабря, и «ожившую» змею мы встретим на полях рукописи «Тазита», ранее текста: «...в долине той изменой хладной убит наездник молодой...», в рукописи «Кавказского пленника»: «Помчался конь на крыльях огненной отваги...» (1821 г.), эту же змею Фальконе готовится разрубить «саблей Паскевича» Янычар – Амин-Оглу, то есть Пушкин – на полях стихотворения 1829 г. «Стамбул гяуры нынче славят, а завтра кованой пятой, как змия спящего, раздавят...». И та же лента змеи Фальконе готовится ужалить в ногу «Медного всадника» на плане глав «Онегина» (!). «Рукой Пушкина», с. 248, вкладка.)

Какие исторические ассоциации скрывают рисунки и какая важная сквозная тема заключена в графических примечаниях поэта, покажут дальнейшие главы исследования. А сейчас вернёмся к поиску Пушкиным причины своего «тяжёлого умиления».

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату
Внимая новый шум лесов...
(6, 415)

О какой «горькой утрате» помнит поэт, «внимая новый шум лесов»? VII глава Онегина начата весной 1827 г. Значит, событие произошло весной 1826 г.

«...И соловей уж пел в безмолвии ночей...» Свою первую песнь соловей поёт в первых числах мая... И это была не только личная утрата Пушкина, ибо поэт говорит: «мы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.